

1922 ГОД: ХРОНИКА ИЗЪЯТИЯ СОБОРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

ОКтябрьский переворот 1917 года стал переломной вехой во взаимоотношениях Российской Церкви и государства: прежнее «ведомство православного исповедания» превратилось теперь в одного из главных врагов для «строителей нового мира». Промыслом Божиим в конце 1917 года было восстановлено патриаршество и церковный корабль обрел мудрого, благочестивого кормчего — святителя Тихона, патриарха Московского и всея России. Но уже вскоре полилась кровь архипастырей, священнослужителей и мирян, принимавших мученическую кончину за исповедание веры Христовой. Начались жестокие гонения, имевшие разнообразные формы: от расстрелов и пыток до насмешек и издевательств над верующими.

Принципиальной декларацией негативного отношения большевистской власти к религии (и, в частности, стремления большевиков лишить Церковь всего ее имущества) стало издание 23 января 1918 года декрета «О свободе совести, церковных и религиозных обществах»¹. Статья 12 декрета гласила: «Никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют». Положения декрета развивались и конкретизировались в инструкции Наркомата юстиции, которая была опубликована 30 августа 1918 года в «Известиях Центрального Исполнительного Комитета Советов». А уже 25 сентября того же года в Костроме было издано «Обязательное постановление Костромского губернского исполнительного комитета Совета рабочих и крестьянских депутатов». Этот документ регламентировал порядок регистрации религиозных общин и «снабжения

¹ Этот декрет был принят 20 января 1918 года и в литературе часто именуется иначе: «Об отделении церкви от государства и школы от церкви».

их церковно-богослужебной утварью»; последняя передавалась общинам в бесплатное пользование, иное же имущество безусловно национализировалось. Прежняя церковная собственность (в том числе и имеющая сакральное значение), не взятая общинами в пользование или оставшаяся бесхозной при закрытии храмов, переносилась в «хранилище Совдепа» (пункт 7 «Обязательного постановления»). 27 сентября 1918 года инструкция Наркомата юстиции и «Обязательное постановление» были опубликованы в костромской «Советской газете», а уже 17 декабря совет приходской общины, образованной при Богоявленско-Анастасиином женском монастыре города Костромы, докладывал епархиальному совету: Никольская («Салтыковская») церковь обители занята «под склад церковных вещей из упраздненных храмов»².

Кострома, 1918 год.
Первая в новейшей истории города гражданская регистрация брака.

«Обязательное постановление» подписали председатель Костромского губисполкома Хитров, губернский комиссар юстиции Огибалов и Николай Орлеанский, руководивший только что созданными при губисполкоме подотделом записи актов гражданского состояния (губзгс) и подотделом отделения церкви от государства. О последнем персонаже — имя которого в 1918–1924 годах было, можно сказать, символом гонений на Церковь в Костромской губернии — следует рассказать подробнее.

Николай Павлович Орлеанский, старший сын служившего в Алексеевской церкви города Костромы диакона Павла Орлеанского, родился 28 апреля 1886 года, учился в духовном училище (хотя, судя по всему, его не окончил), затем служил регистратором в Костромской духовной консистории. Можно только предполагать, какую ненависть вызывало у Николая Орлеанского его сословие и с какой радостью он, воспользовавшись революционной ситуацией, порвал с прошлым и встал в ряды «бойцов антирелигиозного фронта». До осени 1924 года прежний консисторский чиновник работал в Костроме, затем был переведен в Москву.

Яркая (хотя, возможно, и тенденциозная) характеристика дается Орлеанскому в жалобе, которую в октябре 1920 года архи-

² Государственный архив Костромской области (ГАКО), ф. 130, оп. 7, д. 435, л. 11.

Архиепископ
Серафим
(Мещеряков).
Портрет XX
века.

епископ Костромской и Галичский Серафим (Мещеряков)³ отправил в Наркомат юстиции:

«В Костроме (...) в должности политкомиссара по церковным делам, главного юрисконсульта, советника и всякого инициатора по делам, касающимся Церкви и государства, состоит выгнанный некогда за леность и бездарность из 3-го класса духовного училища (...) бывший мелкий чиновник Костромской духовной консистории Н.П. Орлеанский, сын местного диакона. Одержимый манией величия и склонностью к мелочному деспотизму, он неоднократно систематически (...) запрещал и упорно отклонял ходатайства представителей приходских церковных общин г. Костромы устроить собрания по вы-

яснению церковных и вероисповедных нужд... (...) Чтобы лишить возможности меня и верующих обращаться с жалобами на незаконные действия Орлеанского и вдохновляемой им костромской советской власти в Москву, он издал распоряжение не пропускать в Москву моих жалобных ходатайств, приказал конфисковывать и мою личную и всю мою административную по епархиальному управлению переписку... (...) По внушению того же Орлеанского Костромской губисполком издал в июле сего года обязательное постановление, чтобы верующие ни с какими просьбами не обращались к епископам, все церковные дела решали сами и не принимали к исполнению никаких чисто церковных распоряжений от епископов»⁴.

Показательно, что контору своих отделов Орлеанский разместил в доме бывшей духовной консистории на улице Мшанской (нынешней Островского), по месту своей прежней работы. О собственных же заслугах в новом качестве он скажет в докладе 1922 года с подчеркнутой скромностью:

«В том же 1918 году начата была работа и по проведению декрета отделения церкви от государства, причем инициатива в этой области также была проявлена Костромой, как одним из первых городов Республики. Народным комиссариатом юстиции не раз была отмечена героическая и самоотверженная работа костромских работников в борьбе с церковными институтами и отдельными духовными лицами, продолжавшими претендовать на роль устано-

³ Архиепископ Серафим (1860–1933) управлял Костромской епархией в 1919–1922 годах.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. А-353, оп. 3, д. 792, л. 140–141об.

вителей норм семейственного права, чтобы этим самым держать в своих руках косное население»⁵.

На первых порах Орлеанскому хватало хлопот с национализацией церковной недвижимости, закрытием духовных школ и монастырей, поэтому собственно приходская жизнь не слишком его беспокоила. Костромской кафедральный собор в это время оставался духовным центром города и епархии: здесь по-прежнему (хотя и без былой официальной торжественности) совершались богослужения и, кроме того, проходили собрания духовенства и мирян⁶. Но без потерь все же не обошлось. Постановлением президиума Костромского горисполкома (по докладу все того же Орлеанского) от 1 апреля 1920 года предписывалось закрыть имеющиеся в Костроме часовни – в том числе и соборную в торговых рядах – «ввиду того, что перечисленные часовни не являются местом, в котором верующие отправ[...] [...] около которых группируются всякие темные проходимцы, пользующие религиозное невежество слабых людей в смысле самой бессовестной эксплуатации духа и кармана»⁷.

Наступил 1922 год, памятный для нашей Церкви как время общероссийского изъятия церковных ценностей. Под предлогом борьбы с массовым голодом, охватившим Поволжье и другие регионы страны, большевики предприняли попытку не только фактически ограбить Церковь, но и развернуть репрессии против духовенства и верующих. Цели этой кампании были откровенно изложены В.И. Лениным в известном письме от 19 марта 1922 года (данный документ был опубликован в СССР лишь в 1990 году⁸):

«... для нас именно данный момент представляет из себя не только исключительно благоприятный, но и вообще единственный момент, когда мы можем с 99-ю из 100 шансов на полный успех разбить неприятеля наголову и обеспечить за собой необходимые для нас позиции на много десятилетий. Именно теперь и только теперь, когда в голодных местах едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи, трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией, не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления. (...)

⁵ Государственный архив новейшей истории Костромской области (ГАНИКО), ф. Р-382, оп. 1, д. 44, л. 140.

⁶ Так, 22 декабря 1918 года в кафедральном соборе прошло общее собрание духовенства и мирян города Костромы, обсуждавшее, в частности, вопрос об открытии приходов при монастырях. См.: ГАКО, ф. 130, оп. 7, д. 483, л. 3–3об.

⁷ ГАКО, ф. Р-7, оп. 1, д. 596, л. 137–137об. Документ частично обгорел в пожаре 1982 года в областном архиве, отсюда лакуны в тексте.

⁸ Ленин В.И. Письмо В.М. Молотову для членов Политбюро ЦК РКП(б) от 19 марта 1922 г. // Известия ЦК КПСС, 1990, № 4, с. 190–193.

* Имеется в виду Генуэзская конференция (апрель—май 1922 года).

Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (надо вспомнить гигантские богатства некоторых монастырей и лавр). Без этого никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство в частности и никакое отстаивание своей позиции в Генуе* в особенности совершенно немыслимы. Взять в свои руки этот фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (а может быть и несколько миллиардов) мы должны во что бы то ни стало. А сделать это с успехом можно только теперь. (...)

Поэтому я прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий».

Следствием кампании по изъятию церковных ценностей стали народные волнения (как в городе Шуе, где по толпе возмущенных верующих был открыт пулеметный огонь), многочисленные судебные процессы, смертные приговоры, расстрелы. Основная же часть изъятого церковного достояния — золото, серебро, драгоценные камни — использовалась большевиками вовсе не для помощи голодающим.

В Костромской губернии изъятие церковных ценностей проходило относительно спокойно, хотя были зафиксированы отдельные случаи противодействия верующих (например, в Богоявленско-Анастасиином соборе бывшего женского монастыря Костромы в апреле 1922 года). Документы, описывающие ход этой кампании, хранятся сейчас в Государственном архиве Костромской области⁹. Далее мы приведем те из них, которые касаются кафедральных соборов Костромского кремля.

* * *

Кампания по изъятию церковных ценностей предварялась распоряжениями центральных органов власти. Президиум ВЦИК 2 января 1922 года принял постановление «О ликвидации церковного имущества», а 23 февраля 1922 года был опубликован декрет того же Президиума ВЦИК, предписывавший местным Советам «изъять из церковных имуществ, переданных в пользование групп верующих всех религий по описям и договорам, все драгоценные предметы из золота, серебра и камней, изъятие коих не может существенно затронуть интересы самого культа, и передать в органы Народного комиссариата финансов для помощи голодающим».

⁹ ГАКО, ф. Р-6, оп. 1, д. 1228 и материалы других фондов советского периода.

Во исполнение требований декрета 1 марта 1922 года президиум Костромского губисполкома принял постановление:

«Создать комиссию¹⁰ из следующих лиц: Председат[ель] комис[сии] кандидат в члены ВЦИК т. Макаров. Члены: от Губисполкома тов. Орлеанский, от Губфина — тов. Сергеев, от Губпомгола — тов. Воронин»¹¹.

В тот же день комиссия провела первое заседание, на котором обсуждались общие вопросы ее работы:

«СЛУШАЛИ:

Обмен мнений о порядке работ по извлечению ценностей и будущему плану работы. Высказываются: Воронин, Макаров, Орлеанский и Сергеев.

ПОСТАНОВИЛИ:

Приступить немедленно к изъятию церковных ценностей первоначально в гор. Костроме.

Вопрос об изъятии ценностей в уездах и волостях отложить до партконференции и расширенного Пленума Губисполкома.

Работу по изъятию слить с работой комиссии по учету ценностей.

Предложить Губюсту немедленно передать Губкомиссии подлинники описи ценностей, составленные при проведении в жизнь декрета об отделении церкви от государства в 1918 и 1919 г.г.

В помощь комиссии для непосредственного участия в работе кроме командированных Губкомом пригласить: от Губ[ернского] Полит[ического] Управления не менее двух лиц, от рабочекрестьян[ской] инспекции — одного и от Губфинотдела — одного.

Приступить к работе не позднее 3/III.

т. т. Сергееву и Орлеанскому поручается разработать инструкцию о порядке извлечения ценностей как для г. Костромы, так и для уездов.

Экспертов в гор. Костроме дает политуправление.

Изъятие ценностей в первую очередь и последовательно начать с Ипатьевского и Богоявленского монастырей и соборов: Успенского и Богоявленского.

Здание духовной консистории. Открытка начала XX века. Здесь с 1918 года размещались подотделы губисполкома, которыми руководил Н. П. Орлеанский.

¹⁰ То есть комиссию по изъятию церковных ценностей.

¹¹ ГАКО, ф. Р-6, оп. 1, д. 1228, л. 9.

При начале работы обязываются присутствовать Члены Губкомиссии т.т. Орлеанский, Сергеев и Воронин.

Просить Губком командировать в комиссию одного или двух партийных работников, умеющих обращаться с металлом не позднее утра 3/III.

Комиссия собирается в Президиуме Губисполкома 3/III не позднее 11 час. утра.

Расходы по осуществлению всех мероприятий, связанных с изъятием ценностей, принять на себя и ассигновать необходимые суммы.

Предложить Политуправлению взять на себя охрану как работ комиссии, так и сопровождение ценностей до Губфина, а Губисполком просить предоставить для перевозки ценностей постоянный автомобиль»¹².

В архивных документах сохранились и указания, поступавшие из Москвы. Так, 21 марта 1922 года Костромской губотдел ГПУ принял шифрованную телеграмму:

«ЦИРКУЛЯРНО ВСЕ[М] КОМПОМГОЛАМ АВТОНОМНЫХ ОБЛАСТЕЙ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК ТОЧКА «НОВЫЙ» Замена церковных ценностей хлебом и другими продуктами недопустима тчк Эмена¹³ золотом и серебром равного количества допустима отдельных случаях разрешения Губкомиссии изъятию ценностей тчк Необходимо начинать изъятие городов богатых приходов благоприятно настроенных зпт затем переходить деревне зпт руководствуясь политическими соображениями тчк Дешифрант передать по назначению всем КОМПОМГОЛАМ ГУБЕРНИЙ ЗПТ АВТОНОМ[НЫХ] ОБЛАСТЕЙ И СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК ТЧК ЧЛЕН ПРЕЗИДИУМА ЦК ПОМГОЛ ВЦК ВИНОКУРОВ»¹⁴.

В апреле 1922 года изъятые церковные имущество уже начали отвозить в Москву. Однако (возможно, в силу загруженности сотрудников Гохрана, куда прибывали ценности со всей России) приемка происходила формально, что обеспокоило костромских «товарищей». Этот вопрос обсуждался на заседании губернской комиссии по изъятию церковных ценностей 10 апреля:

«СЛУШАЛИ:

1. Доклад тов. Сергеева о том, что возвратившийся из командировки по отправке ценностей уполномоченный Успенский доложил, что ценности в Гохране приняты по акту лишь счетом мест весом брутто¹⁵, при чем было заявлено, что детальная приемка будет

¹² Протокол № 1 заседания Костромской Губ[ернской] Комиссии по изъятию церковных ценностей от 1-го марта [19]22 года: ГАКО, ф. Р-6, оп. 1, д. 1228, л. 1–1об. Здесь и далее мы сохраняем специфическую орфографию текстов (в том числе и опечатки), заменяя лишь характерное для того времени написание твердого знака как двойного апострофа (").

¹³ То есть замена.

¹⁴ ГАКО, ф. Р-6, оп. 1, д. 1228, л. 25.

¹⁵ То есть брутто.

производиться не ближе как чрез две недели.

ПОСТАНОВИЛИ:

1. Принимая во внимание, что при огульной приемке в настоящее время и последующей детальной проверке возможны недоразумения, довести до сведения ЦК Помгол и Губкома РКП на указанное явление и просить к моменту детальной приемки ценностей вызвать представителя Губфина»¹⁶.

На том же заседании члены комиссии – понимая, что изъятие ценностей во время Страстной и Светлой седмиц, когда в храмах совершаются многолюдные богослужения, может создать конфликтные ситуации – решили сделать вынужденный перерыв:

«СЛУШАЛИ:

2. О перерыве в работах и сроке продолжения работ.

ПОСТАНОВИЛИ:

2. Перерыв работ установить, прекратив работу в среду страстной недели и возобновить с понедельника Фоминой недели, т.е. с 24-го апреля. Во время перерыва произвести изъятие с храмов других исповеданий»¹⁷.

Основной объем ценностей был изъят из кафедральных соборов в первой декаде апреля, поэтому архиепископ (ныне митрополит Астанайский и Казахстанский) Александр в своем очерке 2004 года «Чудотворная Феодоровская икона Божией Матери» приводит сведения о попавших в руки большевиков соборных ценностях, основываясь на сводке отдела юстиции Костромского губисполкома от 11 апреля 1922 года¹⁸. Однако изъятие продолжалось и впоследствии, хотя и в сравнительно небольших масштабах. Так, согласно сводке за 6–20 мая, из кафедральных соборов было взято еще 36 долей золота, 22 фунта и 27 золотников серебра¹⁹.

Группа руководящих работников Костромской губернии. Сидят (слева направо): А. И. Подлипаев, Я. К. Кульпе, Н. А. Огибалов, И. Я. Карро, стоит С. Н. Никитин. Фото 1917 года.

419

¹⁶ ГАКО, ф. Р-6, оп. 1, д. 1228, л. 74.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Александр, архиепископ Костромской и Галичский. Чудотворная Феодоровская икона Божией Матери. Кострома, 2004, с. 26*. Сводка от 11 апреля, направленная в VIII отдел Наркомата юстиции, сохранилась в фондах Государственного архива Российской Федерации: ГАРФ, ф. А-353, оп. 6, д. 6, л. 24–25.

¹⁹ ГАКО, ф. Р-6, оп. 1, д. 1228, л. 170.

* В настоящем сборнике см. с. 283.

17 мая в губернскую комиссию по изъятию церковных ценностей было направлено заявление «от группы верующих Костромского собора» такого содержания:

«По распоряжению Комиссии группа должна к 20 мая сдать в Комиссию все оставшиеся в соборе серебряные предметы. В числе этих предметов имеются напрестольный крест, серебряный потир с принадлежностями и дарохранильница. Означенные предметы являются существенно необходимыми при богослужении и совершении треб. Правда, в соборе имеется еще оловянный потир, но в соборе совершаются ежедневно две обедни и, кроме того, в постах бывает много исповедников и оставшегося оловянного потира не хватает по его емкости.

Заменить к 20 числу указанных вещей группа не сможет, так как затратить сразу крупную сумму денег на приобретение в складах Коммунального Отдела или Совнархоза креста, потира, дарохранильницы и еще сосуда для освящения хлебов²⁰ группа не может в виду того, что она в течение двух недель должна внести крупную сумму денег — налог в пользу голодающих с храмов и служителей культа.

Вследствие изложенного группа просит не отказать: 1) или оставить указанные выше предметы во временное пользование группы до 10 июня 1922 г., 2) или отсрочить до этого же времени взнос налога.

Кроме того, группа просит в виду незначительного веса дароносицы в случае невозможности найти в складах другую, заменить ее равным весом серебра.

Все остальные серебряные предметы будут сданы немедленно»²¹.

Губернская комиссия, рассмотрев это заявление, постановила «предоставить отсрочку сдачи до 1 июня»²². А вот следующее такое ходатайство вызвало однозначно негативную реакцию.

29 мая 1922 года прихожане собора попытались добиться возвращения серебряной ризы с чудотворной Феодоровской иконы. Видимо, речь шла о сребропозлащенной ризе, которая украшала святыню в обычные дни (а по праздникам на икону надевали золотую ризу — также, разумеется, изъятую). «Президиум группы верующих Костромского Собора» (как видим, характерная терминология того времени проникала и в церковную среду) направил в губернскую комиссию по изъятию церковных ценностей заявление:

²⁰ Имеется в виду хранившееся на государственных складах церковное имущество, поступившее из закрытых храмов (см. пункт 7 «Обязательного постановления» от 25 сентября 1918 года).

²¹ ГАКО, ф. Р-6, оп. 1, д. 1228, л. 136–136об.

²² Там же, л. 141об.

*Костромской кремль.
Фото начала двадца-
тых годов XX века.*

«В последнее время в Президиум группы верующих Костромского Собора поступило заявление верующих города Костромы с просьбой возбудить ходатайство перед Комиссией по изъятию церковных ценностей о возврате серебряной ризы с чудотворной иконы Божьей Матери Феодоровской с заменой равного веса серебром по весу ризы. Сообщая о вышеизложенном, Президиум группы верующих просит со своей стороны удовлетворить просьбу верующих города Костромы о возврате серебряной ризы с заменой ее равным весом серебра, каковой и будет немедленно представлен в Комиссию, в случае положительного результата»²³.

Теоретически такая замена не исключалась (вспомним шифротелеграмму от 21 марта). Однако вернуть уже изъятые значило бы создать опасный для большевиков прецедент — не говоря о том, что вопрос об украшениях главной святыни Костромской земли, связанной с историей Дома Романовых, мог восприниматься как политический. В тот же день 29 мая на заявлении появилась размашистая резолюция: «Отказать».

Полный объем церковного достояния, утраченного кафедральными соборами, отражен в итоговой ведомости изъятых ценностей из храмов города Костромы; этот документ 4 июля 1922 года Н. П. Орлеанский направил в губернскую комиссию по изъятию.

Согласно ведомости, из кафедральных соборов в ходе кампании 1922 года было получено:

«Золота 92-й и 84-й пробы — 38 ф[унтов] 82 зол[отника] 16 дол[ей].

Серебро — 57 п[удов] 12 ф[унтов] 49 з[лотников] 32 д[оли].

Бриллиантов — 1444 ш[туки].

Розочек бриллиан[товых] — 1283.

Алмазов — 751.

²³ ГАКО, ф. Р-6, оп. 1, д. 1228, л. 158–158об.

Розочек алмазн[ых] – 442.
 Аметистов – 97.
 Гранат – 515.
 Рубинов (плавлен[ых] и шпин[ель]) – 9.
 Аквамаринов – 218.
 Сердолик – 1.
 Альментинов²⁴ – 31.
 Топазов – 18.
 Изумрудов – 139.
 Сапфиров – 58.
 Гиацинтов – 4.
 Жемчугов – 669.
 Опалов – 2.
 Бурм[итских] зерен – 54.
 Бирюз – 33.
 Венис – 155.
 Суровик²⁵ – 3.
 Яхонтов – 102.
 Червчак²⁶ – 1.
 Васильков[ых] камней – 2.
 Бечет – 4.
 Лалов – 30.
 Колчеданов – 2.
 Малин[овых] дулетов – 4.
 Баусов – 2.

Жемчугу с камнями в ризах и оглавии (жемч[уг] в нераспоротом виде) – 13 фун[тов] 77 з[олотников] 36 д[олей].

16 митр, украшен[ных] клеймами в серебряной оправе и 3 из них украшен[ы] жемчугом и ценными камнями.

6 золотых монет на общ[ую] сумму – 35 р. и серебрян[ых] монет – 15 руб. 05 коп.

Гранат в золотой оправе.

Золотые серьги с 6-ю тяжеловесами.

2 золот[ые] подвески к серьгам с 4-мя альмент[инами] и 2 бирюз[ы].

Золотой замочек с 12-ю бирюзками.

Золотая кисть от руки²⁷.

(...)

Звездочка из жемчуга – 1 з[олотник]²⁸.

²⁴ Правильно – алмандинов.

²⁵ Правильно – серавик.

²⁶ Возможно, от старинного названия рубина, «яхонт червчат».

²⁷ Возможно, имеется в виду часть мощевика.

²⁸ Неразборчиво исправлено от руки.

Сулок бархатный
с жемчугом общ[им]
вес[ом] — 1 фунт
2 з[олотника].

Подвес с жемчугом —
75 з[олотников]²⁹.

Из ведомости становится ясной и судьба серебряной церковной утвари, со сдачей которой комиссия согласилась подождать до 1 июня. В разделе «Количество оставленных ценностей на местах» указано:

«Потир, дискос, лжица, звезда, 2 блюда, ковшик, дарохранительница и напрестольный крест — 3 ф[унта] 95 зол[отников]. Принято серебра взамен оставленного 3 ф[унта] 95 зол[отников]³⁰.

Как видим, соборянам все же удалось добиться замены необходимой утвари равным количеством серебра.

В целом по Костромской губернии было изъято (как 11 июля 1922 года костромские работники доложили телеграммой в Москву) 2 пуда 1 фунт 36 золотников 61 доля золота и 576 пудов 6 фунтов 37 золотников 71 доля серебра.

Так завершилась операция большевиков по изъятию церковных ценностей Костромской земли — в том числе и хранившегося в соборах Костромского кремля церковного достояния, собиравшегося веками и служившего памятником благочестивого усердия многих поколений жертвователей. Можно предполагать, что именно эта демонстрация силы окончательно сломила управляющего епархией: в июне 1922 года владыка Серафим отпал в обновленческий раскол, за ним последовала и приходская община кафедрального собора³¹.

Но это уже другая страница костромской церковной истории XX века.

²⁹ ГАКО, ф. Р-6, оп. 1, д. 1228, л. 199об, 200об.

³⁰ Там же, л. 200.

³¹ Следует сказать, что пребывание владыки Серафима в обновленчестве было относительно недолгим. В том же 1922 году он стал обновленческим митрополитом Могилевским, а в 1924 году — митрополитом Нижегородским, но 11 сентября 1924 года принес публичное покаяние и вернулся в патриаршую Церковь в сане архиепископа. Соборы же Костромского кремля оставались в руках обновленцев до полного закрытия в 1929 году.

1924 год, Кострома.
Празднование седьмой
годовщины
Октябрьской
революции.
Слева — храм
Воскресения
на площадке, разру-
шенный в 1930 году.